

Н. П. КНЭХТ

ИСТОРИЯ НАУКИ И ИСТОРИЯ ЖИЗНИ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ БИОГРАФИИ УЧЕНОГО*

Начало нового века для современных историков науки, искусства и литературы ознаменовалось «архивным бумом». Почему-то вдруг возникло страстное желание переиздавать забытые тексты. Комментируя их, давать им вторую жизнь в культуре. Многие исследователи-публикаторы в поисках утраченных документов, рукописей, свидетельств напоминают следопытов-сыщиков, которые в порыве «захвата» и борьбы за архив незаметно оказываются подавленными властью самого архива. Пытаясь пробиться к глубинной материальности архива, вовлекая в оборот все новые и новые архивные свидетельства, они бесконечно умножают мир отдельных, уже слабо связанных между собой, историй. Множественность затмевает единство. За рутинной публикацией архивных биографических материалов, за сбором достоверных документов зачастую отсутствует интеллектуальное усилие исследователя обнаружить «историю как логическую идею исторической истины»¹. Факты не оставляют места теориям.

Сегодня уже стало очевидным современное перепроизводство в гуманитарном знании, когда в любой его области издается огромное количество текстов, что делает практически невозможным их всесторонний охват и представление, а также управление и контроль над ними.

Такое перепроизводство приводит к тому, что обсуждение идейного наследия какого-либо мыслителя тенденциозно переходит в обсуждение его интерпретаций, а анализ непосредственно его работ становится менее важным, так как оригинальный текст утрачивает власть над интерпретацией и перестает функционировать в историко-научных дискуссиях.

Исследователь, помимо функции хранителя и «знатока» архива, неизбежно возлагает на себя авторскую функцию, выступая от имени ушедшего мыслителя, ученого, художника, открывая его имя современникам, продлевая его присутствие в культуре и массовом сознании. Под лавиной историко-научных публикаций, посвященных героям науки и культуры, трудно разглядеть и оценить значение мало известных и неизвестных имен.

В многообразных историко-научных исследованиях по-прежнему наиболее распространенным является жанр биографии ученых. Однако если раньше, как правило, интерес представляли биографии только выдающихся ученых, то в последнее время (возможно, под влиянием достижений «школы «Анналов»», а также социологического подхода) историки науки обращаются не

* Зайцева Е. А., Любина Г. И. Григорий Николаевич Вырубов. 1843–1913. М.: Наука, 2006. 336 с.

¹ Подорога В. А. К философии архива // index.org.ru/journal/14/podoroga1401.html

только к «жизнеописаниям» забытых деятелей науки, но и к именам, о которых традиционная история науки умалчивает. Именно таковой является неоднозначная фигура ученого-естествоиспытателя и философа Г. Н. Вырубова. Запаздывание интереса к изучению личности и творчества Г. Н. Вырубова авторы связывают с тем, «что по меркам недавнего времени его нельзя было отнести к “прогрессивным” деятелям» (с. 10).

Воссоздавая историческую, развернутую во времени, ретроспективу событий давно минувших дней, историк науки становится в некотором роде социальным историком. Изучая рассказы людей об их собственной жизни и уже через них раскрывая историю социальных изменений, он получает возможность для пересмотра «официальных» версий истории науки, обнаруживая их идеологическую и политическую подоплеку.

Авторы проделали огромную работу по сопоставлению точек зрения и сведений, полученных из разных источников, что позволило полно и достаточно объективно воссоздать не только внешнюю картину жизни «русского парижанина», хронику исторических событий его времени, но и их субъективный смысл, как для самого ученого, так и для его окружения. И хотя авторы не предупреждают читателя о своей исследовательской стратегии, такой подход в социологии принято обозначать как множественную триангуляцию. Этот метод помогает в анализе различающихся и зачастую противоречивых оценок тех или иных событий, когда для воссоздания «истории жизни» могут использоваться в качестве биографического материала не только рассказ субъекта о событиях его жизни, но и вторичные источники – мемуары других лиц, письма, официальные документы и т. п.

Данная работа – отнюдь не биографический справочник, выдержанный в единой строгой схеме. Это и не рутинная публикация мало кому интересного фактографического материала без его интерпретации. Авторам удалось не только убедительно показать, что действительно «XX век оказался несправедливым к памяти Г. Н. Вырубова» (с. 5), не только представить в рамках биографии живую личность ученого, но и сделать еще один немаловажный шаг: объяснить, каким образом через деятельность ученого объективные закономерности развития науки воплощаются в реальной действительности.

Подвижничество авторов заключается в том, что они вводят архив в историю. Это редкие, еще неизвестные российскому читателю документы о деятельности Вырубова в качестве заведующего кафедрой общей истории науки в Коллеж де Франс: служебная переписка, формулярные списки, материалы о работе кафедры. Это и переписка с известным немецким кристаллографом П. Гротом.

Радует и то, что авторы выступили не только читателями, но и дали квалифицированный анализ философских и научных статей ученого, написанных по-французски. Оживило исследование и обращение к литературным источникам: к воспоминаниям современников о Вырубове и его эпохе, к книгам и статьям по гражданской истории, истории позитивизма, социологии, масонства, к сочинениям по истории науки.

В социологии различают три основных типа «историй жизни»: полные (очерчивают весь жизненный опыт субъекта «от колыбели до могилы»), тематические (посвящены преимущественно одной стороне или фазе жизненного цикла субъекта) и отредактированные (в которых исходный биографический материал организован и проинтерпретирован в соответствии с логикой исследователя).

Разумеется, способы организации архивного материала могут быть разными, а расшифровка смысла документов и установление их подлинности никогда не бывают окончательными. Исследователь, пытаясь понять биографические факты в контексте исторических событий прошлого, неизбежно действует в пределах смыслового горизонта своей эпохи. Он использует методологический арсенал и принятые в научном сообществе теоретические схемы. Иначе говоря, каждый исследователь, приступая к своей (авторской) историко-научной реконструкции, опирается (может быть, даже неявно) на стандартный образ истории науки, сложившийся в данный исторический период. В состав такого «модельного образа истории науки»² могут входить различные, но всегда определенные, в данный момент исторически и социально значимые элементы, отражающие нормы историографического мышления в написании истории науки.

Несмотря на то что данная книга заявлена как первая научная биография ученого-естествоиспытателя и философа Г. Н. Вырубова, ее ценность этим не исчерпывается. Историческую реконструкцию авторы осуществляют, опираясь не только на биографические сведения об ученом, но и привлекая другие компоненты, помогающие добиться связности, «контекстуальности» культурной ткани. Это попытка разобраться не только в том, как их герой жил вне той жизни, которая «получила все знаки исторической объективности»³ (невозможно представить историю жизни так, «как она действительно была»), но и ради чего он жил. Родословная, детство, Александровский лицей, Московский университет, хроника парижской жизни. Это, безусловно, важные вехи-компоненты в структуре исторической реконструкции, но не единственные. Кроме этого, авторы прослеживают генезис его научного вклада в естествознание (в химическую кристаллографию, минералогию), излагают содержание его новаций, влияние доктрин позитивизма на его химические представления. Рассматривая творчество ученого в широкой плоскости социально-культурного контекста современной ему эпохи, авторы пытаются обнажить «внутренние пружины поступков и замыслов Вырубова, результатом которых явились многочисленные философские, естественно-научные и публицистические работы» (с. 12). Его масонская и преподавательская деятельность, пропаганда философии позитивизма, публицистические опыты в русских литературно-политических журналах.

Авторам удалось избежать редуцирования научных взглядов ученого к фундаментальным когнитивным структурам научного знания его времени (анализ основания науки, ее аксиоматики, логики изложения научных идей). Это, безусловно, важный шаг, в котором узнается продолжающаяся история рефлексии науки, идущая от французских историков и философов (П. Дюгем, Э. Мейерсон, Э. Мецже, А. Койре, Г. Башляр). Это, быть может неявное, следование некоторым подходам и установкам, которые выходят за рамки логико-позитивистской парадигмы и представляют инверсию концепции науки и ее истории⁴.

² Визгин В. П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М., 1996. С. 27.

³ Подорога В. А. Авто-био-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1. М.: Логос, 2001. С. 144.

⁴ Как пишет Визгин В. П.: «Отныне, после Башляра, разделить анализы культуры и науки стало уже невозможным» (Визгин. Эпистемология Гастона Башляра... С. 30).

Можно надеяться, что данная работа послужит важным подспорьем в дальнейших исследованиях не только по истории и методологии науки, но и по социологии науки, а также может быть использована в антропологических, социально-психологических и культурологических разработках.

Во-первых, в раскрытии механизма проникновения социальных, культурных и исторических детерминант «в самую святая святых когнитивной структуры науки – вплоть до методов доказательства, системы аксиом, основных теоретических понятий»⁵.

Во-вторых, в реконструкции меняющегося образа науки. Проблема образа науки возникает в результате философской рефлексии над возможными способами репрезентации целостного знания о науке в тот или иной исторический период. Образ науки зависит как от характера самой науки, так и от ее восприятия различными слоями общества, и прежде всего философским сознанием.

Известный афоризм Лакатоса – «философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» – отражает современную тенденцию, связанную с революцией в методологии. Давний спор Куна (логические стандарты должны уступить место историографическим) и Лакатоса (изложение развития научных идей должно соответствовать методологическим стандартам и нормам) не закончился методологическим анархизмом Фейерабенда (все парадигмы принципиально равны, «научный метод» – это реликт эпохи позитивизма, пропаганда стратегии «пролиферации»), но только заострил проблему. Каждая методологическая концепция дает особую рациональную реконструкцию истории науки, по-своему истолковывает, оценивает и связывает исторические факты, создавая различные «истории науки». Наряду с рациональной реконструкцией Лакатоса (нацеленной на расширение границ «внутренней» истории науки путем рационализации «внешней» – истории людей и учреждений) существуют рациональные реконструкции индуктивизма, конвенционализма, фальсификационизма. Нет единогласия и в самих истоках понимания, как сущности науки, так и этапов ее эволюции. Напротив, существуют различные философские интерпретации или образы науки, описывающие ее развитие в новое и новейшее время. В образе науки проглядывают философские, методологические и исторические установки ученого (его понимание научного знания – является ли оно отражением или конструктом действительности; истина открывается или создается; учитывается ли влияние общественного производства и культуры на развитие знания и пр.).

К концу XX в. оказалось, что история науки состоит не только из «благородных» дисциплин, которые (благодаря древности их происхождения, возможности формализации и математизации) получили привилегированное положение в позитивистской иерархии наук. Исследовательское внимание фокусируется уже не на «вершинных» дисциплинах (математика, астрономия, галилеевская механика, ньютоновская физика, теория относительности), а на тех областях знания, которые менее дедуктивны, подвержены воображению, ставят вопросы, непривычные для науки, что позволяет назвать их маргинальными и подрывает понимание науки как истории «правдивых дискурсов». Маргинальность конституирует деконструкцию устоявшегося знания и способов «выговаривания истины», т.е. предполагает их переработку, переделку,

⁵ Там же. С. 30.

выявление новых оснований, изменение исследовательской оптики, обращение к новым темам-проблемам. Усилиями Фуко было показано, что история наук не сводится к сумме представлений и результатов, полученных учеными прошлого, но она и не может постоянно спонтанно перестраиваться в результате повторной фильтрации этих достижений прошлого через сито современных высказываний и теорий, признанных на сегодняшний день валидными.

Книга Е. А. Зайцевой и Г. И. Любиной – свидетельство того, что, находясь внутри науки, невозможно обнаружить проступающее латентное упорядоченное продвижение научного знания. Необходимо выходить на его границу с философией. При этом философия науки не является общей теорией науки или теорией всех возможных научных высказываний и не задает пространство идеального, в лоне которого авторитарно «кроится» современная наука. Она лишь призвана обратить внимание на то, что сама наука не в состоянии увидеть, на поиск новой нормативности.

Данную работу можно анализировать в различных аспектах, но самой важной нам представляется ее оценка в плане возможных следствий-перспектив, которые открываются в новой историографической ситуации. Иначе говоря, посмотреть, в каких направлениях можно использовать представленный в работе материал, чтобы он не остался незамеченным, а, напротив, способствовал дальнейшему росту культурного и научного потенциала истории науки.

Прежде всего интересно посмотреть, каково место данной работы в общем поиске новых, иных связей с прошлым, которые характерны для современной историографической практики.

Труды немецких и французских исследователей (М. де Серто, П. Вена, Ж.-П. Вернана, Х. Баумгартнера, Р. Козеллека и др.), а также работы англоязычных теоретиков (А. Данто, Х. Уайта, Ф. Р. Анкерсмита) подготовили изменение исторического сознания в отношении главного предмета рефлексии историографической практики – прошлого. Главным теперь является отношение к прошлому как к продукту культуры, т. е. понимание прошлого сквозь призму культурных смыслов. Эти смыслы актуализируются потребностью соприкосновения с ним и сохранения памяти о нем. Традиционным и до сих пор главным инструментом проникновения в прошлое служит язык исторических сочинений или нарратив. Как известно, аналитическая философия и французский структурализм оказали мощное интеллектуальное влияние на категориальный аппарат и правила построения историографических текстов. При этом феноменологическая и герменевтическая традиции в философии, настаивающие на неразрывности истории и жизни, прошлого и настоящего, апеллирующие к непосредственному опыту восприятия прошлого и тематизирующие исторический опыт, до последнего времени оказывались на периферии исторического сознания. Отчасти это объясняется неспособностью этих философских учений, стоящих особняком и вдалеке от историографии, преодолеть узкодисциплинарную методологию и неизбежную спекулятивность, хотя они и провозглашают обращение к историчности человеческого опыта, но в итоге неизбежно замыкаются на языковом освоении прошлого.

Обращение к непосредственному опыту восприятия прошлого связано с предположением о том, что прошлое можно видеть иначе, а не только под углом зрения языка историографии. Возможно, это связано с пересмотром «новыми историками» основного, казалось бы, очевидного с их точки зрения положения о том, что прошлое ни в каком виде не может быть дано историку,

ибо оно не проецируется, а только непосредственно конструируется в нарративе. Напротив, в ракурсе нового понимания и формирование самого понятия прошлого, и возможность различения прошлого и настоящего, и мыслительные процедуры вынесения прошлого на определенную дистанцию с целью его объяснения и истолкования основываются на первоначальном, непосредственном и свободном опыте и чувстве прошлого. Реабилитация мира чувств и настроений, стоящего за нашим отношением к прошлому, не случайна, как не случаен интерес к понятию исторического опыта.

Обращение к миру человеческих чувств, настроений, внутреннему экзистенциальному опыту связано с изменением статуса науки и научной информации в современном мире. Всем известное клише, что мы живем в эпоху информационного взрыва, начинает смягчаться изменяющимся отношением к феномену информации. Если структуралисты расценивают науку как самое важное и окончательное достижение человечества и современности, то постструктуралисты смотрят на нее извне и сверху, выказывая ей уважительное равнодушие. Они не отклоняют науку, как, например, иррационалисты. Речь не идет также и о метакритике научного исследования и научных методов, как это принято со стороны сциентистски-ориентированной философии науки. Для них интерес представляет только функционирование науки и самой научной информации. Формулируя закон умножения информации, «новые историки» обратили внимание на одну важную особенность. Действительно важная информация не может положить конец новым работам по той или иной теме, т. е. никогда не является «концом информационной генеалогии», а, напротив, вызывает новую волну публикаций, так как собственно важность информации «в действительности оценивается интеллектуальной отдачей, которую она вызывает»⁶.

Новый взгляд таким образом скорее асциентичен, чем антисциентичен. От того, что наука «дестабилизирована» (например, деконструкция каузальности показала обратимость паттернов и категорий мысли), научная рациональность не перестает быть актуальной. Более того, «новые историки» пытаются показать, что каждое научное представление имеет, помимо своего внутринаучного обоснования, внешнюю сторону, выпавшую из поля зрения науки.

Кроме этого, было замечено, что вся область репрезентации реальности сопряжена с иллюзорностью, поддельностью или неподлинностью реальности, представленной в текстах, язык которых не миметически воспроизводит, а скорее заменяет или подменяет ее, неизбежно привнося стилистическое измерение. Инсайты, неизбежные в ходе исследования, изменяют отношение к свидетельствам. Если в традиционном представлении исследование движется от исторических источников и свидетельств к скрытой за ними исторической реальности, то в новейших разработках свидетельство указывает не на историческое прошлое, а на другие интерпретации прошлого.

Новое отношение к свидетельству нацеливает не на выяснение того, каким было прошлое на самом деле, а на выявление резонанса прошлого в настоящем и будущем, на достижение определенного аффекта адресатом, через свидетельство вдыхающим аромат ушедшей эпохи. Такой подход позволяет увидеть сокровенное, невысказанное прошедшей эпохой, когда свидетельство обре-

⁶ Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 323.

тает свой смысл и значение через конфронтацию с менталитетом более поздней эпохи. История ментальностей постепенно подготовила изменение парадигмы современного историописания. Прежде всего, оно проявилось в изменении объекта внимания историков. Это обмен макроисторических структур на микроисторические ситуации и условия жизни, а, следовательно, отказ от эссенциализма в историописании – от принципа, который соединял бы все фрагменты прошлого воедино, раскрывал бы сущность прошлого и задавал бы вектор размышлений о прошлом с целью его понимания. Это отказ от навязанного, спекулятивного поиска самого сущего мира.

Альтернативой как эссенциализма, так и фрагментарности и относительности исторического знания может выступить необычный познавательный метод – «уликовой парадигмы». Он включает целый веер эмпирических методов добывания интуитивных, слабо поддающихся дискурсивной обработке знаний о тех или иных частных предметах на основании индивидуальных «симптомов», «признаков», «улик». В сущности – это реанимация методов, издавна используемых охотниками, гадателями, лекарями, сыщиками. Эти методы сводятся к опыту «дешифровки следов»⁷. Ремесло историка в данном случае – задавать прошлому неожиданные, нетривиальные «вопросы», уклоняясь при этом от выводов и оставаясь на индивидуально-личностном, полухудожественном уровне представления своего первичного материала – «улик», собираемых в массиве сведений о прошлом. Такая установка, на наш взгляд, созвучна традиционному архаическому повествованию, насыщенному аллегорическими смыслами, но можно в ней усмотреть и протест против новейшей практики подачи «информации», «сухо-практического или броско-сенсационного изложения плоских, ничего не значащих фактов»⁸. В обзоре новых работ по теории повествования (как известно, нарратология выходит за границы теории литературы и отражает ситуацию во всем гуманитарном знании) С. Зенкин напоминает о преимуществах древнего рассказа, ссылаясь на малоизвестную статью Вальтера Беньямина «Рассказчик» (1936). В ней есть интересное замечание о том, что старинный «рассказ» опирался на трудно проверяемые сведения, предания, слухи и т. п. Однако его индивидуально-фактическая ненадежность, как считает Беньямин, компенсировалась смысловой продуктивностью. Современная же нарративная информация, которая в некоторых случаях может проходить через довольно строгие процедуры проверки, сопоставления фактов и оценки источников, рискует в итоге оказаться бессмысленной. Во многих случаях это просто мгновенно потребляемый и тут же забываемый продукт одноразового употребления⁹.

Пугающим для традиционно мыслящих исследователей является то, что в современной ситуации теряют смысл понятия «надлежащая дисциплинарная матрица» и «верный исторический контекст», так как отказ от подобных эссенциалистских допущений, кажется, ведет к утрате гарантированности научной репутации историописания, а, следовательно, и единой карты, позволяющей путешествовать как в прошлое, так и в будущее. Угрожающим видится и

⁷ Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 32–61.

⁸ Зенкин С. Н. Критика нарративного разума – 2 (Заметки о теории. 7) // Журнальный зал. Новое литературное обозрение. 2004. № 65. С. 374.

⁹ Там же.

грядущая дезориентация социального и морального поведения человека, отказавшегося от идеалов Просвещения, которые являлись путеводителем и компасом для предыдущих поколений.

Постмодернистское историческое сознание предлагает другие приоритеты. Это не обнаружение и восстановление реальности прошлого с позиций науки, не реконструкция прошедших эпизодов жизни, а включение в непрерывную собственную культурную игру с памятью о прошлом, когда думание заменяет исследование, а понимание – объяснение. Это приоритет метафорического измерения в историописании над буквальным, фактографическим, что, разумеется, не умаляет значения исторической правды и достоверности. Просто смещается фокус внимания. Вся история как бы собирается в настоящем. Важным является не прошлое, «каким оно было на самом деле», а способы общения с ним; противоречия между современным языком, рассказывающим о прошлом, и самим прошлым; внимание к «силам малой интенсивности», которые оставались в прошлом скрытыми, но стали заметны сегодня; внимание к тому, что прежде казалось бессмысленным и неуместным («странности» и «нелепости» сознания людей ушедшей эпохи) с точки зрения современного сциентизма и рационализма.

Это созвучно с достижениями современных культурологических исследований, которые показывают, что представления об эмоциональном строе человеческого переживания, закрепленные в категориях, меняются во времени, как меняется сама чувственность человека.

На формирование нового отношения к прошлому, безусловно, оказали влияние импульсы современности, связанные с новым опытом повседневности. Особенностью нашего времени является то, что происходит постепенная замена естественной человеческой среды на искусственную. В современной ситуации человек попадает в иной мир образов, которые перестают быть объектами, т. е. их уже нельзя анализировать как некую природную данность со стороны активного взгляда исследователя. Эти образы – эффект массовых коммуникаций, они заполняют все наше пространство. Можно сказать, что это есть образы нашей повседневности, и что именно они являются, скорее, активным субъектом, воздействующим на нас и делающим нас не столько воспринимающими, сколько восприимчивыми.

В мировоззрении появляются новые моральные и эстетические ценности, когда любое явление культуры исследуется со стороны аффекта, глубины эмоционального воздействия, которое оно способно вызвать, т. е. связывается с исследованием причин, делающих это явление событием. Событийное измерение какому-либо явлению культуры помогают приобрести визуальные средства распространения и репрезентации значимой информации (кинематограф, ТВ, видео).

Однако существуют другие, непривилегированные моменты, или образы слабой интенсивности, они проскальзывают мимо нашего внимания, но актуализируются фотографией, кино, СМИ. Эти слабые образы тоже воздействуют на нас, формируя новую чувственность, настроения, вызволяя опыт из «тюрьмы языка». Они не агрессивны, не навязчивы, ибо мы без усилия, добровольно и свободно пребываем «на поверхности» непосредственного видения.

Например, фотографическое изображение способно нести опыт прошлого, благодаря особенности, которую Бенджамин обозначил понятием «аура» в сво-

ей теории фотографии¹⁰. Опыт прошлого обнаруживает себя именно в несовпадении между тем, что фотография была призвана изображать, и тем, что стало возможным в ней увидеть. Фотография, таким образом, приближает нас к тому, что навсегда потеряно и утрачено. Здесь исторический опыт перестает нести исключительно познавательные задачи и сближается с эстетическим опытом. Мы попадаем в мир, где истина не является указанием, так же, как не является указанием знание, которому противостоит опыт. Нам не указ смысл, потому что мы на стороне аффектов, фактически бессмысленных. Прошлое представляет собой некоторый образ. Эффект прошлого – это такое «вдруг», это такое место, где само событие конституирует смысл. И для этого события не существует настоящего, ибо настоящее – есть момент нашей аффективности. Если говорить о языке этих событий, то это топологический язык. Это язык не глубинных смыслов, которые мы должны открывать и переоткрывать, постоянно все дальше и дальше продвигаясь вглубь, а язык самых поверхностных событий. Прошлое никогда не бывает индивидуальным. Личное ностальгическое прошлое не слишком отличается от коллективного прошлого. Так приватное, необязательное ощущение какой-нибудь детали (например, полоски солнечного света на полотне картины Гварди) может стать проводником в коллективное прошлое европейского человечества конца XVIII столетия¹¹.

И в этом плане работа Е. А. Зайцевой и Г. И. Любиной дает богатейший фотографический материал, который может быть использован культурологами и антропологами в современных визуальных проектах исследования культуры недавнего прошлого. Это ряд замечательных фотографий: «Г. Н. Вырубов в составе санитарной группы Национальной гвардии во время Парижской коммуны (1871 г.)», «Г. Н. Вырубов по возвращении из путешествия в Черногорию (1873 г.)», «Вырубов на конной прогулке (1886 г.)» и др.

Прошлое всегда связано с нехваткой, потому что наиболее остро, насыщено и подлинно опыт прошлого переживается в чувстве ностальгии. Это чувство недостижимости прошлого, невозможности вернуться к нему, но в момент ностальгического переживания различия, несовпадения прошлого и настоящего прошлое реально возвращается, будучи частью нас самих.

Знание, мудрость, наука подвигают нас к тому, что важно, конечно, но при этом остаются незамеченными огромные пласты существования, не менее важные сегодня, в эпоху массовой культуры, которые постигаются опытом.

Может быть, сегодня появляется уникальная возможность научиться жить в поликультурном пространстве и многообразии научных школ воспринимать не как патологию, а как норму? Через образование междисциплинарного дискурса открывается возможность для нормальной работы. Понимание коммуникативной парадигмы как современной, признание существования сетевых взаимодействий знаний и школ и права на многомерность поможет осознать, что это обычный процесс изменения методов, изменения отношения к области научного знания, в том числе и к различным философским приложениям. Этот переходный период, начавшийся в XX в., породил новую

¹⁰ Benjamin W. On some motifs in Baudelaire // *Id. Illuminations. Essays and reflections* / Ed. by H. Arendt. Trans. by H. Zohn. New York: Schocken Books, 1968. P. 187.

¹¹ Олейников А. Становясь теми, кем мы больше не являемся // Синий диван. 2004. Вып. 4. С. 254. (www.kogni.narod.ru/sdcontents.htm#4)

ситуацию, в которой мы сегодня пребываем, ситуацию выравнивания методологии. Философская работа заключается в координировании этих методов. Выделение метода даст возможность нам правильно понимать и мыслителя и, более того, результативность его методологии. Тем самым должно складываться «поле полезности» методов. Воссоздание панорамы историко-научных исследований через многообразие методологических картин мира и образов науки не столько повысит ценз объективности, сколько приведет к более точному пониманию границ метода, откроет выход к новым поисковым системам. Книга Е. А. Зайцевой и Г. И. Любиной обещает быть полезной на этом пути.